

Валентин Иванов

*Homo
Insolitus*

Валентин Иванов

Homo Insolitus

«Издательские решения»

Иванов В.

Homo Insolitus / В. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986514-4

Необыкновенные люди встречаются в нашей жизни достаточно часто. Одни называют их гениями, другие — чудаками. Впрочем одно не исключает другое. Важно то, что эти люди украшают нашу жизнь, хотя для близкого человека жизнь рядом с чудаком или гением представляется порой не совсем лёгким делом. Человек с жизненным опытом не станет завидовать жизни гения — она далеко не каждому по плечу. Об одном их таких людей, которых по жизни ведёт одна идея, наша книга.

ISBN 978-5-44-986514-4

© Иванов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
История города Воронеж	9
Моя Ойкумена	14
Корни	16
В лагере за колючей проволокой	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Homo Insolitus

Валентин Иванов

© Валентин Иванов, 2020

ISBN 978-5-4498-6514-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Биологи выделяют человека в особый вид животных – *Homo sapiens*, подчеркивая тем самым его разум в качестве доминирующего признака, позволяющего выделить человека из сонма остальных живых существ. Разумеется, отдельные представители вида *Homo sapiens* могут обладать этим признаком в исчезающе малых количествах, но для вида в целом это обстоятельство не играет принципиальной роли. Внутри данного вида классификация разработана слабо – есть разделение на три расы: европеоидную, негроидную и монголоидную. При этом особо подчеркивается, что различия касаются лишь внешнего облика. С точки зрения биологии, представители всех рас идентичны как по строению (с учетом различий пола), так и по способностям (здесь различия одними представителями подчеркиваются, другими яростно отрицаются). Даже классификация вида *canis* (собаки) по породам разработана гораздо подробнее. Никому в голову не придёт отождествлять, скажем, русскую гончую с буль-догом или лайкой – там всё различно – от высоты в холке до структуры подшерстка. Вы скажете: «Но ведь женщины тоже различаются принципиально на блондинок, брюнеток, шатенок и, наконец, рыжих. И они сами, и некоторые мужчины считают этот признак достаточно важным для классификации отдельных представительниц». Э-э-э, нет! Женщины могут перекраситься, а собаки изменить структуру подшерстка или форму хвоста сами не способны. Да простят меня наши прекрасные женщины за столь вульгарное сравнение, поскольку мной руководили вовсе не ирония или сарказм по отношению к ним, а лишь желание проиллюстрировать принципы классификации наиболее понятным способом. Я бы мог в качестве примера взять и мужчин, но сами они никогда такого рода отличия не считали существенными, за исключением немногочисленных пижонов, имеющих щёточки для усов, как Эркюль Пуаро.

Внутривидовые различия человеческих рас интересуют больше этногенез, теологию, культурологию и социологию. Действительно, религиозные различия определяют огромную разницу в поведении и мотивации людей, влияют на формирование различий в культуре и философии. А есть еще партийная принадлежность, языковые барьеры, темперамент, наличие или отсутствие талантов и музыкального слуха. Но нас здесь интересует совсем другое.

Специалист по математической статистике скажет вам, что при наличии множества причин, сочетания которых оказываются более или менее случайными, функция распределения для достаточно большого множества объектов по любому из определяющих признаков хорошо описывается колоколообразным распределением Гаусса. В этом распределении можно выделить «ядро», занимающее большую часть площади под гауссовской кривой, и мелкие «хвосты» распределения. Для человека, как вида в целом, «ядро» имеет специальное название на латыни – «*Homo Vulgaris*», то есть «человек обыкновенный» – такой как все. Этот самый *Homo Vulgaris* легче всего определяется по поведению на собрании, поскольку он ни с кем не спорит, а голосует «как все», чтобы поскорее вернуться домой к привычной ласковой или сварливой жене, рюмке водки, горячему борщу, мягким тапочкам и телевизору (национальные вариации незначительны: партнёру по сексу, рюмке текилы или чачи, толстому гамбургеру, тёплым унтам и «ящику»). Человеком обыкновенным больше всего интересуются политтехнологи, которым так важно построить оптимальные стратегии манипуляций народными массами, индивидуальные же различия им совершенно неинтересны, поскольку в группе *Homo Vulgaris* они очень слабо выражены и на выводы манипуляторов не оказывают существенного влияния.

Нас же будут интересовать именно «хвосты» распределения, которым посвящена практически вся мировая литература. Разве Гамлет будет голосовать как все? Тем он и интересен. Странно, что эти «хвосты», несмотря на столь пристальный к ним интерес со стороны величайших поэтов и писателей, не удостоились строго научного названия. Спеша исправить этот дефект, я нарекаю этот тип людей «*Homo insolitus*», то есть «Человек необыкновенный».

Несмотря на относительную малость группы *Homo insolitus* (всего около 1—2% от общего числа людей), сама группа внутри по отдельным параметрам сильно неоднородна, поскольку в нее, кроме признанных гениев, нобелиатов, попали также графоманы, изобретатели вечных двигателей и прочие «чудаки», талантливо описанные Василием Шукшиным в его рассказах. «Чудаки» в обществе обыкновенных людей подобны специям в пище, которые даже в малых количествах способны придать совершенно необыкновенный вкус и аромат, превращающий обычное блюдо в пищу богов. Мы не ставим своей целью отделить и противопоставить этих столь разных представителей рассматриваемой группы по той причине, что разделить их фактически невозможно, ибо в *Homo insolitus* все признаки сильно перемешаны и в почти равных пропорциях присутствуют в большинстве отдельных представителей группы. Так, Альберт Эйнштейн, обладая поразительной физической интуицией и совершенно неординарным типом мышления, говорят, был весьма слаб как математик, в бытовых проблемах не ориентировался вовсе, а в моральном отношении был далеко небезупречен.

Главный признак *Homo insolitus*, разумеется, в том, что он глубоко индивидуален, поскольку у каждого из представителей этой группы есть своя, необычная идея, составляющая главный стержень его жизни. Если убрать у него эту идею, строго доказав ее ошибочность, *Homo insolitus* умрёт. В лучшем случае, он останется жить «как все», только гораздо хуже, поскольку теперь у него не будет даже элементарных стимулов к жизни, характерных для *Homo Vulgaris*. Впрочем, доказать ошибочность идеи «необыкновенного человека» совсем не просто, потому что, с точки зрения обыкновенного человека, он упрям как сто баранов, и все ваши «железные» и логически убийственные доводы он будет просто игнорировать, поскольку пользуется другой, своей, «единственно правильной» логикой. Поэтому убить простого человека – намного более лёгкая задача, чем изменить необычного.

Поскольку биологически гений и «чудак» ничем не отличаются от большинства остальных людей, нас будет интересовать не его быт и привычки, а его идея. Он в довольно раннем возрасте начинает осознавать, это эта идея «ведёт» его, и потому большую часть своей жизни, если не всю целиком, он посвящает служению этой идее.

Обыкновенный человек может сколько угодно восхищаться гением, почитать его и рукоплескать ему, но завидовать гению не стоит, потому что жизнь гения есть непосильная ноша для обычных людей. В самом деле, гениальный музыкант-исполнитель тратит незначительную часть своей жизни на сон и еду. Всё же остальное время почти без остатка он либо выполняет бесчисленные экзерсисы с инструментом, либо выступает на концертах. Большинство приятных и разнообразных мелочей, делающих нашу жизнь уютной и комфортной, ему недоступны и неизвестны. Даже жить постоянно рядом с гением – тяжкий крест, поэтому гения лучше воспринимать малыми порциями на концертах, а двум гениям ужиться рядом просто невозможно – они всегда несовместимы.

Называть гением человека при его жизни не принято, это сильно смахивает на лесть. Только время способно закрепить за конкретным представителем столь высокий титул, поэтому, говоря о живых людях, чаще всего о лучших представителях упоминают как о необыкновенных людях. Однако, после столь пространного вступления нам пора начать наше повествование об одном из таких людей. Его имя – Юрий Иванович Кулаков. Впервые я прослушал его лекции по теории физических структур, будучи студентом 1-го курса физфака НГУ в 1968 году. Мне явно не хватало тогда знаний используемого лектором математического аппарата тензорного исчисления и функционального анализа, чтобы понять детали лекционного курса, но идеи этого курса я воспринял с восторгом. На физическом факультете так блестяще мог объяснять сложнейшие разделы физики еще только один лектор – профессор Юлий Борисович Румер.

Весь дальнейший материал – это лишь написанное мною историческое введение и мои литературные обработки воспоминаний Юрия Ивановича о своей жизни и пути в науке, поэтому разговор будет вестись от его первого лица.

P.S. Я написал эту книгу в 2013 году. Пока Юрий Иванович Кулаков был жив, он надеялся, что публикацию книги оплатит давний спонсор его работ Юрий Коропачинский. Публикация долгое время задерживалась ещё и в связи с тем, что Кулаков хотел, чтобы под обложкой одной книги разместились как описание второй части создаваемой им Теории Физических Структур, так и автобиографическая часть, с чем я был решительно не согласен, считая несовместимыми два совершенно разных жанра. Кулаков умер 5 декабря 2019 года. Полагая, что дальше держать этот материал в столе нет смысла, я посвящаю книгу светлой памяти этого необычного человека.

*Валентин Иванов,
4 апреля 2020 года.*

История города Воронеж

Тысячи лет тому назад в этих местах жили скифы, сарматы и славяне. Жили по-разному: иногда воевали друг с другом, иногда организовывали временные военные союзы против печенегов и половцев. В 1571 году боярин Михаил Воротынский организовал здесь сторожевую службу Русского государства и поставил крепость с древневлавынским именем Воронѣг под руководством воеводы Семена Сабурова, которая позднее дала начало городу Ворóнеж. Реку, протекавшую через город, нарекли тем же именем.

Крепость Воронѣг, XVII век

Название города историки связывают с темным цветом речной воды, который она приобретает, омывая корни обширных дубовых рощ, покрывающих местный ландшафт.

Значение этой провинции для государства Российского значительно возросло во время царствования Петра Великого, который в то время воевал со Швецией. Чтобы одержать решительную победу с супостатом Петру необходимо было обезопасить южные границы, которым грозила Турция, державшая укрепленные города-порты вдоль побережья южных морей. Для контроля этих границ нужен был флот, и здесь положение Воронежа было стратегическим: огромные лесные массивы для строительства кораблей и прямой путь для этих кораблей по реке Воронеж, затем по Дону до Сурожского (Азовского) моря, где Турция держала хорошо укрепленный город Азау (современный Азов).

Петровские верфи

Так указом Петра в 1586 году этот город, помещавшийся вдали от морей и океанов, стал крупнейшим центром кораблестроения на Руси, причем все корабельные мастера были российского происхождения. Большой частью местные, поскольку они и до этих указов строили большие ладьи для купцов.

Воронеж. Петровский о. и цейхгауз. XVIII век.

Под руководством Воронежского Адмиралтейства на верфях Воронежа впервые был создан регулярный российский флот. С 1696 года по 1711 год было построено около 215 кораблей, в том числе корабль «Гото Предестинация» – первый российский линейный корабль и первый корабль IV ранга по европейской классификации начала XVII века, созданный в России без участия иностранных специалистов. В городе возникли новые производства, работавшие на кораблестроение: литейно-пушечный завод, суконная, парусная, канатная и кожевенная фабрики. Благодаря Азовскому флоту удалось завоевать крепость Азов, а впоследствии подписать мирный договор с Турцией для начала войны со Швецией. Город Воронеж стал центром Воронежской губернии.

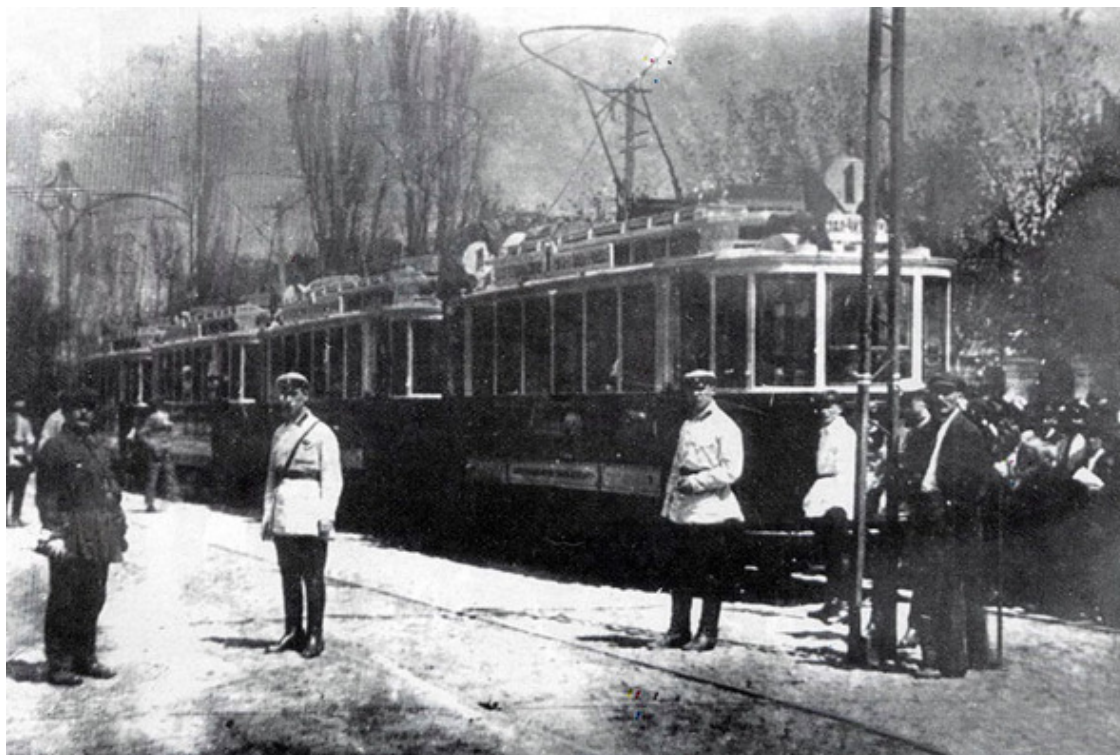
В 1845 году открылся Воронежский кадетский корпус имени Великого князя Михаила Павловича, в котором обучались оружейник – изобретатель легендарной «трехлинейки» С. И. Мосин, знаменитый естествоиспытатель А. Н. Лодыгин, революционный демократ Г. В. Плеханов и др. Здесь родились знаменитые писатели И. А. Бунин, С. Я. Маршак, А. П. Платонов.

Улицы старого Воронежа

В 1912 году у станции Отрожка были построены Отрожские железнодорожные мастерские, которые впоследствии стали основой развития Воронежского вагоноремонтного завода. В 1913 году создаётся первое высшее учебное заведение в городе – сельскохозяйственный институт им. Петра Великого (ныне Воронежский государственный аграрный университет

имени Императора Петра I). В 1918 году из Юрьева переведён Юрьевский университет, и на его базе создан Воронежский государственный университет. В 1930 году на базе СХИ возникли химико-технологический институт и лесохозяйственный институт.

Воронеж довоенный – это типичный провинциальный город мастеровых с неторопливой, спокойной и ритмичной жизнью. Петровские верфи давно приспособлены для новых времён, в которых главной становится железная дорога – крупная транспортная артерия страны. На левом берегу реки строится вагоноремонтный завод им. Эрнста Тельмана, а по улицам города колесят красные вагончики трамваев, искря своими дугами в сырую погоду и скрежеща стальными колесами на поворотах. Народ здесь спокойный и с достоинством, ибо мастеровые во все времена, при любых царях и правительствах знали себе цену.

Трамвай являлся лицом большинства крупных городов советской России, поэтому об истории воронежского трамвая хочется рассказать отдельно и более обстоятельно. 11 (23) августа 1891 года открылась конно-железная дорога (конка) Сообщение осуществлялось по 4 маршрутам, линии были проложены по ул. Большой Дворянской и ул. Новомосковской. В 1913 году на заседании Городской думы утверждён план строительства электрического трамвая. Для этого в Воронеже был выпущен заём на сумму 1825 тыс. рублей. Все трамвайное и электрическое оборудование было заказано за границей, но из-за начавшейся войны поставка в Воронеж трамвайных вагонов немецкого производства оказалась невозможной. В дальнейшем задержка пуска трамвая была обусловлена политической нестабильностью в стране и Гражданской войной.

Слева фотография довоенного воронежского трамвая МТВ-82б, справа – постперестроенного Tatra T6B5.

Движение было запущено 16 мая 1926 года. Воронежский трамвай был 39-м в Союзе по общему счёту и третьим, построенным при советской власти. Его открытие описано в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» (пуск Старгородского трамвая). Трамвайное сообщение между левым и правым берегами реки Воронеж осуществлялось с 1986 года до января 2008 года по уникальному двухэтажному Северному мосту, имеющему длину 1,8 км. Система была закрыта 15 апреля 2009 года, а Воронеж (вместо Тольятти) стал крупнейшим в России и Европе городом без рельсового городского транспорта.

Согласно заявлениям и планам местных властей, в будущем планируется создание «с нуля» систем легкорельсового транспорта в виде скоростного трамвая и лёгкого метро.

Здесь к месту будет вспомнить пословицу «ломать – не строить» и констатировать с грустью, что в трамвайной эпопее Воронежа победила коррупция чиновничества.

Коллаж: восстановленное после войны здание вокзала.

О Воронеже во время войны будет отдельный рассказ. Упомянем только, что с самого начала войны вся хозяйственная инфраструктура города была поставлена на военные рельсы. После войны город отстроился заново и приобрел совершенно новый облик, поскольку было разрушено 18 тыс. домов (92% всех жилых зданий).

Послевоенный Воронеж стал крупным машиностроительным центром, ориентированным на авиационную и космическую промышленность. В конце 1950-х годов на воронежском предприятии КБХА был разработан кислородно-керосиновый жидкостный ракетный двигатель РД-0105 для третьей ступени ракет-носителей «Луна», который позволил в 1959 году впервые в мире достичь второй космической скорости. На основе двигателя РД-0105 был создан двигатель для третьей ступени ракеты-носителя космического корабля «Восток» с первым в мире космонавтом Ю. А. Гагариным на борту. В 1968 году именно в Воронеже на Воронежском авиационном заводе было налажено серийное производство первого в мире сверхзвукового пассажирского самолёта Ту-144. В октябре 1977 года на заводе был построен первый советский аэробус Ил-86.

Современный Воронеж уже трудно назвать провинциальным городом. Его население достигло миллиона жителей, а облик города мало чем отличается от столичных городов. Есть и знаковые перемены. 11 июня 1989 года в Воронеже было основано коллоидальное предприятие. В 1990 году Министерство культуры и Госстрой РСФСР внесли Воронеж в список исторических городов России. В 1983 году, в 6,5 км от черты города, было начато строительство Воронежской атомной станции теплоснабжения, которое было приостановлено на основе проведенного среди воронежцев референдума. В 90-е годы XX века многие церкви были возвращены епархии; была продолжена (а в некоторых случаях начата) их реставрация. Построены и строятся множество храмов. В 2009 году взамен утраченного был построен новый Благовещенский кафедральный собор. В 2003 году Воронеж был выбран столицей празднования Дня славянской культуры и письменности.

В 2010 году на семинаре «Новые технологии – основа современных систем связи» концерном «Созвездие» было представлено оборудование системы широкополосной мобильной связи четвертого поколения «AstraMAX» совместного производства концерна и компании «Runcom Technologies». 20 августа 2010 года на заводе «Тяжмехпресс» был впервые в мире создан кривошипный горячештамповочный пресс усилием 14 000 тонн модели КБ 8552. На территории городского микрорайона Масловка Правительство Воронежской области при поддержке Инвестиционного фонда России реализует проект создания индустриального парка «Масловский» для размещения более 100 новых предприятий, в том числе и трансформаторного завода компании Siemens. 7 сентября 2011 года в Воронеже открылся Глобальный центр эксплуатации сетей компании Nokia Siemens Networks, который стал пятым в мире и первым в России.

Моя Ойкумена

Реки играют особую роль в жизни природы и человечества. Если тело природы с древних времен народ с великим почтением называл «Мать сыра земля», то реки питали эту землю, наделяя ее плодородием. Для человека же, обитающего среди густых лесных массивов, река являлась готовым транспортным путем, который связывал большие города и мелкие селения, подобно кровеносным сосудам, пронизывающим все тело и доставляющим питание каждой клеточке этого тела.

Правый берег реки Воронеж прижимается к цепочке относительно невысоких гор, покрытых густыми дубравами, левый же берег низинный. В районе города Воронеж река петляет, образуя пойму. Во время весеннего половодья пойменные луга полностью уходят под воду, а когда вода спадает, летом на этих просторах вырастают травы по пояс. С самого раннего моего детства на всю оставшуюся жизнь мне запомнились два основных запаха: летний запах свежескошенных трав и ни с чем не сравнимый осенний запах преющих дубовых листьев – золотая краса торжественно умирающей природы.

Смена времен года в разных местах происходит совершенно по-разному. В пустынях практически ничего не меняется, кроме среднесуточной температуры. В Крыму или Калифорнии много вечнозеленых растений. Там только два сезона, причем зимний от летнего отличается тем, что зимой случаются дожди, а раз в 50 лет с неба сыплются снежинки, кото-

рые, впрочем, не достигают земли. В средней полосе России наличествуют все четыре сезона, но в большинстве мест вид природы, открывающийся взору, значительно меняется только зимой, когда глубокие снежные покровы обезличивают ландшафт. В пойменных местах сезонные изменения самые значительные. Весной огромные площади низин становятся частью реки, а уже через пару месяцев они изумляют глаз разнообразием оттенков зеленого цвета. Это чудо гармонии дикой природы и животного мира практически недоступно жителям каменных трущоб крупных столичных городов, души которых, оторванные от жизни естественной, высыхают незаметно и непреложно, порождая желания выдумать что-то неживое, искусственное, вроде абстрактной живописи или вычурной авангардной поэзии. А все потому, что так далека от них «мать сыра земля». Человек, живущий в природе с самого детства, чужд механистических фантазий, поскольку утки, плавающие в пруду среди лилий, намного ближе к настоящему чуду, чем любые урбанистические изыски.

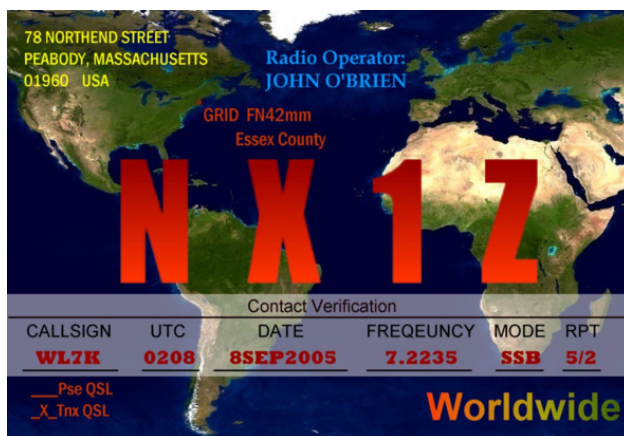
В 1971—1972 годах была построена Придаченская (Митрофановская дамба) и на месте чудесных пойменных лугов образовалось Воронежское водохранилище, что не просто изменило лик уникальной природы, но изуродовало его до неузнаваемости. Так человек променял Красоту на целесообразность водоснабжения.

Корни

Воронеж был, главным образом, городом мастеровых. Дед мой, Василий Иванович Кулаков строил церкви. Понятно, что никакого формального архитектурного образования он не получил, но в те времена очень часто мастерство приобреталось с детства, когда мальчика отдавали в ученики мастеру. Он вырослел, и если у него «в людях» проявлялись способности и трудолюбие, переходил в разряд подмастерьев, а потом мог выбиться и в мастера. Дед был очень деятельным человеком. Строительство петровского флота нанесло серьезный ущерб лесным массивам окрестностей Воронежа, и он также организовал массовые посадки деревьев. Тем посадкам уже минуло сто лет. В них растут каштан, дуб, ясень, клён остролистный, липа, лиственница, ель, сосна, плакучая ива, тополь пирамидальный, рябина, туя, пихта, можжевельник, катальпа.

У деда было шестеро сыновей: Николай, Василий, Иван, Сергей, Константин и Павел. Все жили одной большой семьей. Когда сыновья подрастали и женились, они не уходили из отчего дома, а делали пристройки к большому дому деда. Во дворе всегда кипела бурная и весёлая жизнь – волейбол, крокет, городки и другие игры. Зимой играли в шахматы, бегали на лыжах и катались на коньках. Летом во дворе нередко велись интересные диспуты. Отец мой проповедовал коммунистическое мировоззрение, а наиболее яростным его оппонентом выступала мамина сестра, тетя Шура, которая была яростной монархисткой.

Очень яркими личностями были мои дядья Николай и Павел. Старший Николай работал помощником машиниста на железной дороге. Домой со смены приходил усталый, весь промасленный и закопченный. Дома от тщательно мылся, смывая следы сажи и масла, облачался в белую рубашку, ужинал и тут же удалялся в свою «пещеру» – так он называл свою комнату, которая была оборудована коротковолновой радиоаппаратурой собственного изготовления. Рядом с домом им была смонтирована высокая антенна, с помощью которой он связывался с радиолюбителями всех континентов. Поскольку состояние ионосферы, определяющее прохождение радиоволн, успокаивалось от дневной солнечной активности только после захода солнца, все радиолюбители работали на связи глубоко за полночь.

Типовая QSL-карточка радиолюбителя

Все стены «пещеры» были увешаны яркими QSL-карточками из самых разных стран мира. Некоторые думают, что буквы QSL это аббревиатура, сокращение какой-либо типовой фразы. На самом деле, у радистов всего мира в ходу международный Q-код для радиопереговоров любителями и операторами-профессионалами. В нем первая буква всегда Q для того, чтобы отличать трехбуквенные комбинации этого кода от любой другой информации. Так

QRD означает «иду курсом на», QCW – место встречи. Понятно, что все жизненные ситуации не передашь этим кодом, поэтому остальная часть информации передается радиожаргоном, который представляет собой сокращения английских слов. Самое забавное, что русские радисты заменяют латинские буквы на аналогичные родные, поэтому в живой речи от них можно, например, услышать в эфире такую тарабарщину: «ыл фб ЩРД на ЩЦВ» (yl – young lady, fb – fine beauty), что означает «девушка прелесть, иду на свидание». А сокращение кода QSL означает подтверждение радиосвязи. Обычно разговор операторов начинается так CQ de UPAF, что означает: радиостанция с позывными UPAF (плавбаза «Чернышевский») вызывает всех, кто ее слышит. Откликается оператор из Австралии: VKTN de UPAF QSL 75! – это самый короткий разговор, в котором сообщается, что станция VKTN станции UPAF подтверждает установление связи и желает удачи (75! – формула вежливости). После этого в журнал обеих станций операторы должны внести позывные корреспондента, дату и время связи, частоту и качество сигнала по шкале RST, а затем выслать корреспонденту свою карточку напрямую, если знаешь адрес оператора, или через международное QSL-бюро. В общем, это целый волшебный мир, недоступный и таинственный для непосвященных.

Младший из братьев Павел имел таланты совсем иного свойства. Отчаянно смелый и невероятно проворный, он решил стать циркачем. Для этого он рядом с радиоантенной Николая соорудил из брусков и трубочек также высотное сооружение, на которое при стечении дворовой публики забирался по веревочной лестнице. С верхней площадки он картинно падал вниз спиной под вскрики ужаса: «Ах»! При этом к верхней штанге всего сооружения с двух боков были привязаны длинные веревочки, которые были продеты сквозь ряд соединенных между собой веревочных же колец, а другие концы веревок были привязаны к рукам циркача. Падая, он разрывал со страшным треском последовательно одно кольцо за другим, замедляя таким образом падение, а в самом низу он вскакивал упруго на ноги с криком: «Оп-ля!», срывая заслуженные аплодисменты. Потом он достал где-то петарды, привязал их к разрываемым кольцам, и теперь уже падал под оглушительные треск петард.

Дядя Павел и его жена Шура

Оч-чень рискованный был мальчик! И очень амбициозный. Он придумал себе артистический псевдоним «Пауль Турамо», который вывел крупными буквами масляной краской на заборе.

По материнской линии мой прадед носил фамилию Ломоносов, и был он столяр-краснодеревщик из деревни Сурки. Профессия эта редкая и уважаемая, а фамилия деду показалась

несолидной, поэтому, попав в город, он сменил свою редкую фамилию на более «сурьезную» – Иванов. Конечно, живя в деревне, он никогда такого бы не сделал. Во-первых, в деревне все хорошо знают друг друга, и потому смена фамилии ничего в жизни не меняет. Но есть и другая, более веская причина: смена фамилии показывает неуважение своих предков, потому в деревнях никому и в голову не придет такая глупая идея. Город – другое дело. Здесь так много народу, что живущие в соседнем доме о тебе и твоих предках знают только то, что ты им сам удосужишься сообщить. По мнению деда, новая, более «пристойная» фамилия полезна его делу, вызывая большее уважение со стороны заказчиков добротной мебели.

Краснодеревщик женился на красивой женщине с гордой осанкой по имени Анна, и от этого брака родились дочери Саша и Тоня. Дед умер рано, и молодую вдову взял замуж некий поляк, Ипполит Мячеславович Селинг, работавший на железной дороге помощником машиниста. Женившись, он поставил большой дом на станции Отрожка недалеко от дома другого моего деда Василия. Ипполит был страстным охотником. Именно охота составляла его главную суть и страсть. По двору бегали несколько охотничьих собак высокой породы. На почве этой страсти он, простой машинист подружился с владельцем завода. Впрочем, другой его страстью были женщины, и он нередко изменял жене. Анна же стоически гордо сносила эти измены, никогда не заговаривая на эту тему с родственниками и соседями. Ее дочь Тоня и стала моей матерью.

Дед Ипполит Селинг

В Доме красной армии возникла театральная студия. Именно там и встретились мои родители, увлекавшиеся театром. В постановке спектакля по трагедии Александра Пушкина «Борис Годунов» Тоня играла роль Марины Мнишек, а Иван Кулаков – роль Лжедмитрия. Оба они были молодыми, красивыми и талантливыми людьми. Они влюбились друг в друга, и поэтому сцена объяснения в любви главных героев была фактически совершенно искренним объяснением в любви актёров друг к другу. Были бешеные аплодисменты публики, а после спектакля они поженились.

Мама моя по профессии была учительницей, а отец Иван был большевиком, работал бухгалтером. Мамина Сестра, тётя Шура была страстной монархисткой, и потому в нашем доме нередко вспыхивали яростные политические дискуссии, в которых роль мамы заключалась в том, чтобы найти какие-то общие моменты в непримиримых позициях тёти Шуры и отца и утихомирить страсти спорщиков.

Анна Алексеевна с дочками

От партии отец получил задание взрывать, сносить и разрушать церкви в рамках организованной борьбы с религией. Выполнить это задание он отказался, поскольку разрушать пришлось бы, в том числе, и все, что было построено руками деда. За этот отказ отца из партии вычистили, но на тот момент этим все и ограничилось. Но в декабре 1937 года все это припомнилось, и отец был арестован по доносу. Николай со своими карточками со всего мира и домашней радиостанцией сразу сообразил, что более подходящего персонажа в качестве шпиона сразу многих разведок для НКВД не найти. В 1939 году его нашли повесившимся в лесу, но незадолго до этого он спас меня от смерти.

В детстве я переболел полиомиелитом. У меня была атрофирована левая часть тела, рука и нога были обездвижены. Мама предприняла нечеловеческие усилия, чтобы вернуть меня к жизни. Она показывала меня разным врачам в Москве и на Украине, возила в санатории и грязелечебницы. Ежедневно сама делала мне массажи, и произошло рукотворное чудо. Постепенно начали двигаться, сначала рука, затем нога. Восстановительный процесс длился долго, и чтобы закрепить его, отец с мамой стали активно приобщать меня к спорту. Конечно, в коллективные игры я еще долго не мог играть, поэтому начали с плавания. Выглядело это так. Правый берег реки был обрывистым. Родители раскачивали меня, держа за руки и ноги, кидали прямо с обрыва в воду, затем прыгали в воду сами. Я барахтался, а они страховали меня и обессиленного вытаскивали на берег. Так продолжалось несколько дней, и постепенно

я начал уверенно чувствовать себя в воде. Через короткое время я стал уже самостоятельно переплывать реку, благо течение в наших местах было не быстрым, а сама река – не слишком широкой.

«Дети капитана Гранта»

К двенадцати годам я настолько окреп, что родители стали доверять мне лодку, которую отец назвал «Фрам» в честь первой в мире полярной шхуны, построенной по проекту Нансена. На ней он совершил три экспедиции к северному и южному полюсам. Название это лодке дано было после того, как она простояла зиму у берега реки, вмёрзшая в лёд. Когда я стал уверенно двигаться, любопытство исследователя природы я удовлетворял заплывами на лодке в наиболее живописные места реки Воронеж. Чтобы мне не было скучно одному, а набрал себе «команду» из мальчишек помладше меня, чтобы чувствовать себя среди них настоящим капитаном.

Однажды жарким летним днём 1939 года я с командой из четырех пацанов отправился вверх по реке. Обрывистый берег в этом месте высится примерно на два метра выше уровня воды. У самой реки берег песчаный, а сверху слой чернозёма покрыт густой травой. В такой почве легко роются пещеры, в которых в самую жару царит приятная прохлада. Отрывать такую пещеру мы начали вместе, а когда достаточно углубились, я, как самый сильный, продолжил это дело один. Отрыв достаточно просторный объем, чтобы поместиться всем, я натаскал в пещеру травы и улёгся на спину, заложив руки за голову. Ребята осторожно заглядывали в эту пещеру, но внутрь залезать побаивались.

– Давай, давай, не трусь, – подбадривал их я, – бояться нечего. Можете попрыгать сверху, чтобы убедиться, что пещера прочная.

Кто-то из них залез наверх и попрыгал. Вся масса земли и песка разом рухнула на меня, лежащего на спине заложив руки за голову. Я сделал последний выдох, а вдохнуть уже нечего. В последние секунды передо мной промелькнула вся моя короткая жизнь – мама, отец, школа – затем сознание померкло. Этим бы всё и закончилось, если бы именно в этот час, в эту самую минуту мимо нашей пещеры не проплывал на своей лодке дядя Коля. Он увидел причаленный к берегу наш «Фрам» и сам пристал к берегу, увидев испуганно галдящих пацанов.

– Что случилось?

– Юру завалило там, в пещере!

Дядя Коля, лихорадочно работая руками, отрыл меня, сделал искусственное дыхание и вернул меня к жизни.

Именно после таких невероятных случаев люди начинают верить в чудеса, ангелов-хранителей, поскольку мою жизнь от смерти отделяли всего несколько секунд, и вероятность того, чтобы именно в эти секунды рядом оказался подходящий человек, не склонный к панике и не тугодум, который долго будет соображать, что произошло и что надо делать – эта вероятность просто ничтожна.

Теперь, спустя много десятилетий, проезжая мимо и видя перед глазами эту пойму реки, я мысленно ищу то место, где в далёком детстве я чудом остался жить. Я также вспоминаю всех тех людей, которые и в то далёкое время, и много позже своими, казалось бы, иногда совершенно случайными действиями давали мне возможность продлить свою жизнь. Пережив такие трагические минуты, научаешься по-особому ценить жизнь и радоваться каждому новому дню, который для других, возможно, кажется пустым, обыкновенным и даже скучным.

В лагере за колючей проволокой

Начало этой истории, как ни странно, связано со столетием со дня смерти А.С.Пушкина после знаменитой дуэли на Чёрной Речке. Событие это отмечалось в нашей стране с огромным размахом. Миллионными тиражами печатались книги великого поэта. В газетах и журналах напечатаны были сотни статей, посвященных знаменательной дате. Всюду проходили торжественные собрания, конференции и литературные семинары, на которых народу в тысячный раз объясняли, какой великий вклад в русский язык и его великую литературу внёс этот мятежный поэт. Миллионными же тиражами были отпечатаны школьные тетрадки на обложке которых были помещены фрагменты иллюстраций к произведениям Пушкина. На одной из таких обложек широкими штрихами был нарисован вековой дуб, растущий у Лукоморья. Возле дуба на цепи вальяжно расхаживал рассказывающий сказки «кот учёный», а на ветвях удобно расположились русалки. На другой обложке был изображён в сверкающих латах, опоясанный мечом Вещий Олег, прощающийся со своим славным боевым конём, о смерти от которого его предупредил кудесник, любимец богов.

Все эти пушкинские торжества находились в страшном контрасте в общей атмосферой страха и подозрительности, пропиывавшей всё наше общество, которому со страниц газет, чёрных раструбов радиодинамиков и с экранов киножурналов внушали, что кругом нас окружают враги – троцкисты, вражеские шпионы, саботажники и диверсанты. Даже школьники с «пушкинскими» тетрадками, вместо того, чтобы слушать учителя, старались среди штрихов на обложке найти замаскированные образы. Если при таком поиске картинку еще и поворачивать, то некоторым удавалось обнаружить буквы, из которых складывалась фраза «Долой ВКПб». Из «компетентных органов» через облоно была спущена директива во все школы об изъятии «крамольных» обложек. Можно только предположить, что стало с авторами этих рисунков. Мама моя была учительницей старших классов. Выполняя директиву сверху, она собрала тетрадки своих учеников, оторвала все неудобные обложки, а тетрадки вернула школьникам без всяких объяснений. Да никто и не осмелился спрашивать. Целый портфель таких обложек она принесла домой то ли для последующей сдачи их в облоно, то ли просто для растопки.

В декабре 1937 года под утро, в пять часов к нам пришли с обыском. Отец мой был председателем месткома вагоностроительного завода, и на одном из собраний он выступил с защитой прав рабочих. С трибуны он заявил, что неоплата рабочим сверхурочных является незаконной, поскольку это грубое нарушение прав трудящихся. На общем подъеме искусственно раздувавшихся пропагандой стахановских и других починов, организация сверхурочных работ была массовой практикой руководства большинства предприятий, которая как бы отражала коммунистическое отношение к труду. Отец высказался, что нельзя эксплуатировать рабочих. Кто-то из «доброжелателей», присутствовавших на собрании написал донос о том, что энтузиазм советского народа приравне Кулаковым к методам капиталистической эксплуатации. Этого оказалось достаточно, чтобы в областной газете «Комунна» появилась обширная статья о троцкистском выступлении Ивана Кулакова.

В ходе обыска наткнулись на портфель с «антисоветскими» картинками на обложках тетрадей, и отца арестовали. Забрали также висевшую на стене шашку, которой отец был награжден за участие в Гражданской войне, где он в семнадцатилетнем возрасте воевал в составе Первой конной армии Буденного. Шашка эта была гордостью всей семьи, а забрали её в качестве вещественного доказательства «приверженности к троцкизму».

Полгода мама пыталась выяснить, где находится отец, но никто ничего определенного ей не говорил. И вдруг мы получаем доплатное письмо в виде листка из школьной тетрадки, свёрнутого треугольником. В те времена это было общепринято. Если у отправителя нет марки, то почта доставляла его получателю, который должен был заплатить двойную цену марки. В тексте письма почерком отца было написано: «Дорогие мои! Я жив-здоров. Везут нас в товарном вагоне, неизвестно куда. Но я не падаю духом. Целую и обнимаю вас. Ваш Ваня». Руки мамы дрожали, когда она читала всей родне это письмо. Но слёз не было, надо было что-то делать, чтобы спасти мужа.

Письмо было проштемпелёвано, и на чернильном оттиске печати можно было прочитать «станция Сухобезводный». Сначала мы решили, что это где-то в Средней Азии, но когда открыли атлас, нашли её на севере европейской части, где тайга и тундра. Мама сразу же решила ехать туда, взяв меня с собой. Мне тогда было одиннадцать лет. Мы сели в поезд и поехали. Оказалось, что эта станция является центром огромной территории Нижегородской области, носящей название Унжлаг по названию протекающей там речки Унжи. Позже я узнал, что в лагпунктах этого «острова скроби» ГУЛАГа содержались до двух тысяч заключенных. В основном. Они использовались на лесоповале.

Мама пошла по начальству, но НКВД-ешники там привыкли разговаривать с людьми только матом: «Какого тебе еще Кулакова надо? Убирайся вон, а то и тебя посадим туда же». Поняв, что от начальства ничего не добьешься, мама вышла на улицу. Мы присмотрелись к поселку. Он оказался пересылочным пунктом многих лагпунктов Унжлага, и на его улицах было много расконвоированных, которые имели некую свободу перемещения, но не имели права отсюда уезжать и должны были периодически отмечаться в комендатуре. В этих людях нетрудно распознать было лагерников. Все они были коротко стрижены, в телогрейках и ватных штанах, но главное было в выражении лица – потоянно напряженное, готовое к тому, чтобы дать отпор, «отоварить» неожиданно подвернувшегося друга ли, врага ли, кто его знает. И вот мы ходили по улицам, мама заглядывала в лицо буквально каждому прохожему и спрашивала, не встречался ли ему Кулаков Иван Васильевич. Как правило, ей криво ухмылялись: «Что ты, дура, не понимаешь, что здесь миллионы людей, свезённых со всех окраин страны? В день видишь сотни новых, незнакомых лиц. Фамилий называть не принято. Ладно, если имя назовёт, а чаще обходятся просто кличками».

Вдруг один из зеков откликается:

– Кулакова Ивана? В очках, лысый? Как же, знаю. Мы с ним в одном бараке «паримся»

Сердце мамы ёкнуло: «Есть Бог!», хоть она и не верила в него раньше, будучи советской учительницей, да ещё замужем за партийным активистом. Она восприняла это невероятное событие как светлый символ – проще найти иголку в стоге сена, чем родного человека в этом море скорби и слёз.

– Как он там? Здоров ли? А не могли бы Вы устроить нам свидание с ним?

– Что ты, дура-баба, не понимаешь? Это же не пионерский лагерь. Там охрана, колючка, собаки, вышки солдатами, переключки три раза в сутки. Какие там свидания?

Видимо, этот расконвоированный вор был авантюристом по натуре, и он, в конце концов, согласился помочь, но предупредил, что это стоит денег и немалых. Мама отдала ему все деньги, что у нас были с собой, и еще заняла немного у хозяйки, где мы остановились. Согласился он попробовать провести в зону только меня, поскольку женщина в мужской зоне лагеря – это гораздо менее вероятная картина, чем увидеть воочию чёрта с рогами и копытами. Ночью на станцию прибыл товарный состав с опломбированными вагонами. Лишь на вагоне охраны не было пломб. Я торопливо распрощался с мамой, откатили дверь и меня затолкали в этот тёмный, неосвещаемый вагон. Потом раздался толчок, скрип колёс. Состав тронулся. Ехали несколько часов. В вагоне не смолкал лай собак и ругань охранников. Воняло мочой и прелым сеном. Прибыли неизвестно куда уже под утро, часам к семи.

Я выскользнул из своего вагона и увидел, как охрана срывает пломбы, откатывает двери остальных вагонов, и оттуда буквально выползают изнурённые заключенные на негнущихся, одеревеневших от долгой неподвижности ногах. Тут же у вагонов они оправляли малую нужду. Отходить далеко от состава им не позволяли. Затем для них устроили переключку, построили в колонну, и они неторопливо тронулись, сопровождаемые вооружёнными охранниками с собаками. Откуда-то появилась лошадь с телегой, на которую охрана сложила свои пожитки. Туда же я бросил и свой заплечный мешок с краюхой хлеба, данной мне в дорогу матерью. Сам пошел вслед за телегой по открывшейся взору лесотундре. Дорога, по которой мы шли, называлась Лежнёвка. Она частенько проходила через заболоченные места, и для того, чтобы не проваливаться, заключенные проложила гать из брёвен.

Через пару часов ходьбы я услышал впереди захлебывающийся лай овчарок, потом сухой выстрел. Затем движение колонны возобновилось, и я увидел на обочине дороги скрюченный труп заключенного со спущенными штанами. Он был убит якобы при попытке к бегству, хотя даже ребёнок понимал, что бежать со спущенными штанами не просто неудобно, но и невозможно. Скорее всего, это был доходяга, который уже не мог идти наравне со всеми.

Примерно к одиннадцати часам мы подходим к лагерю, который окружали два ряда колючей проволоки между вышками и вспаханная полоса трёхметровой ширины. Колонна втянулась в лагерные ворота, а сопровождавший меня вор сказал:

– Ну, ты посиди здесь, а я схожу, узнаю обстановку.

Я присел на корточки под чахлым деревом, и меня тут же облепили комары, от которых я должен был непрерывно отбиваться сорванной веткой. Проходит час, другой, и я начинаю понимать, что этот вор забрал деньги и бросил меня тут в тайге, вдалеке от человеческого жилья, а просить помощи у лагерной охраны нет никакого смысла, поскольку тут же начнут допрашивать, как я тут оказался, и чего я тут делаю. Однако, через некоторое время вижу: идёт. Он берёт меня за руку и проводит через проходную. На территории вор заводит меня в барак и говорит:

– Вот место твоего отца. Сейчас он на работе, на лесоповале. Сиди здесь, никуда не выходи, жди его. Вечером придёт.

Я лёг на нары и заснул. Оказалось, что этот вор ни о чём отца не предупредил. Вечером отец заходит в барак и видит, что на его месте кто-то спит. Присмотрелся: сын.

– Как ты здесь оказался, сынок?

Я рассказываю ему о его треугольном письме, о маме и обо всех наших приключениях. Мы проговорили с отцом всю ночь. Представьте, многое ли может рассказать одиннадцатилетний мальчик? Конечно, мой рассказ очень быстро подошел к концу, и, понимая, что утром мы расстанемся, для того, чтобы сохранить этот неожиданный духовный контакт с родным сыном, отец начал рассказывать мне содержание романа Жюль Верна «Пятьсот миллионов бегумы». Роман описывает противостояние двух городов, построенных на территории США двумя наследниками огромного состояния: антиутопического Штальштадта, основанного германским милитаристом и расистом профессором Шульце, и утопического Франсвилля, построенного французом доктором Саразеном.

Отец мне рассказывает всю ночь, что такое фашизм, какие он ставит перед собой цели, какая социальная система на самом деле сейчас у нас установилась. Это был мой первый урок социологии. Надо сказать, мой отец был большой книголюб, и у нас была обширная библиотека. Прочитав много книг, отец умел очень красочно рассказывать те сюжеты, которые он прочел. Его удивительный рассказ в деревянном бараке с двухэтажными нарами под храп и стоны заключенных был столь необычен, что запомнился мне на всю мою жизнь. Я запомнил отчетливо даже его неторопливый голос, в котором, как ни странно, не было ни скорби, ни отчаяния. Как сумел мой отец, получив десять лет лагерей оставаться оптимистом, для меня так и осталось великой тайной.

Забегая вперед, расскажу один интересный эпизод. Спустя много лет после описываемых мною событий в Академгородок приехал известный кинодокументалист Иосиф Пастернак, чтобы снять фильм о сибирском научном центре. В качестве одного из персонажей этого фильма он выбрал меня. Он побывал на моих лекциях в университете и у меня дома в гостях. Я рассказал ему некоторые эпизоды из моей жизни, в том числе и о пребывании моего отца в лагере. Он снял фильм по моим рассказам, и этот фильм получил первую премию на меж-

дународном конкурсе «Эйфелева башня» в Париже. Позднее я был в командировке в Москве и остановился у моего друга Виктора Шахова. Вдруг раздаётся звонок, и абонент спрашивает:

– Вы не могли бы сообщить мне номер телефона Кулакова Юрия Ивановича в Новосибирске?

– Кулаков Вас слушает, – отвечаю, – я сейчас здесь, в Москве у друга.

– Какая радость! Юрий Иванович, когда мы могли бы с Вами встретиться?

Он приезжает за мной к Шахову и мы едем к нему в гости. По дороге он рассказывает, что у него сейчас в планах снять фильм о советских лагерях и политзаключенных. На квартире у него собрались его французские коллеги кинематографисты. Меня усаживают в центре комнаты в кресло, настраивают аппаратуру, и я начинаю свой рассказ. Для французов самой важной и неожиданной деталью оказывается тот факт, что истощенный от голода и тяжелой работы заключённый, который встречается с сыном всего на одну ночь, рассказывает своему сыну не о своей жизни, полной суровых лишений, а содержание романа Жюль Верна. Поневолле получается, что великий французский писатель не просто фантазировал на тему ужасов выдуманного тоталитарного общества, а предвосхитил даже многие детали, и рассказ сына политзаключенного теперь является просто живой иллюстрацией написанного в прошлом веке романа. Этот мой рассказ целиком вошел в следующий фильм Иосифа Пастернака.

Утром мы с отцом расстались. Зеков выводили на переключку и развод на работы. Мы обнялись, но у меня возникло чёткое впечатление, что расстаёмся мы ненадолго, хотя отцовский десятилетний срок был в самом начале. Отец чувствовал то же самое. От него веяло каким-то непонятным, но мощным оптимизмом, что всё образуется, и скоро снова всё в жизни будет по-прежнему ярким и интересным.

Мы расстались. Появился мой знакомый расконвоированный уголовник, вывел меня за ворота лагеря, дал символического пинка под зад и сказал:

– Не бзди, парень! Дорогу теперь ты сюда знаешь, так что милости просим. Всегда будем рады увидеть тебя снова здесь. В каком качестве, это уж как судьба распорядится.

Я пошёл обратным путём по Лежнёвке. Заблудиться было невозможно, потому что дорога была одна, и развилка на ней не было. Дойдя до конечной станции, я увидел порожний состав, протиснулся в один из пустых вагонов, справедливо полагая, что когда-нибудь поезд отправится назад в Сухобезводное. Действительно, через некоторое время раздался гудок поезда, лязгнули буфера вагонов и состав, набирая скорость, плавно покотился в нужном для меня направлении, ибо других направлений от конечной станции просто не было.

Мама страшно обрадовалась, когда увидела меня живым-здоровым, вернувшимся чуть ли не с того света. В известном смысле это так и было. Судьба и здесь каким-то чудесным образом хранила меня. Для чего? Для каких иных свершений?

Мы отправились в обратный путь. Дома мама следила за неожиданными и почти непредсказуемыми сменами политического курса страны через книжный магазин, который был у нас в Отрожке. На витрине этого магазина была постоянная экспозиция портретов членов ЦК партии. Экспозиция-то была постоянной, но элементы этой экспозиции довольно часто менялись без объяснения причин и комментариев для народа. В центральной части этой экспозиции находился портрет наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова, и вдруг этот портрет исчез. Именно в годы «ежовщины» появились разрядки местным органам НКВД с указанием числа выселяемых, арестованных, подлежащих репрессиям и расстрельные списки. Исчезновение портрета Ежова мама восприняла как сигнал о том, что надо действовать немедленно. Она садится на поезд и едет в Москву хлопотать о муже. Начала она с обхода кабинетов начальников. На улице Калинина она увидела огромную очередь, состоящую, главным образом, из жён политзаключенных. Стоять там нужно было долго, целыми днями, и сердце ей подсказало, что ничего хорошего она в этой очереди не выстоит. Тогда она решила обратиться к Надежде Константиновне Крупской. Мама, конечно, не знала, что после смерти Ленина Сталин постарался «задвинуть» Крупскую, как можно дальше, и реальной власти она к тому времени никакой не имела, была отстранена от деятельности Наркомпроса и курировала вопросы библиотечной деятельности.

Мама приходит в её кабинет и видит, что там совсем нет никаких посетителей. Перед ней сидит толстая пожилая женщина с большим зобом и слегка выпученными, пустыми глазами. Одета она совершенно невзрачно во что-то коричневое и бесформенное. Мама начинает рассказывать историю злключения своего мужа, но лицо Крупской совершенно неподвижно и равнодушно. Она думает о чём-то своём. Мама закончила свой рассказ и поняла, что и здесь у неё ничего не получится. Она встала, попрощалась с хозяйкой кабинета и пошла к дверям. Вдруг лицо Крупской оживает:

– Постой, постой! Это ты та самая Тонечка, что так боевито выступала на съезде в 22-м году?

Мама моя с 1900 года рождения. В 17-м году она оканчивает учительские курсы и едет по распределению в глухую деревню. Там она развивает бурную педагогическую деятельность на ниве народного просвещения. Красивая, интеллигентная, она сделала школу и клуб этой деревни культурным центром всего уезда, и в 1922 году её избрали делегатом на 1-й съезд сельских учителей. В президиуме за столом, накрытым красным кумачом сидела Крупская, которая в те годы курировала Наркомпрос. Доклад моей мамы ей очень понравился своей чёткой и ясной логикой, и она пригласила маму после её доклада сесть рядом с ней в президиуме. Собственно, на этом в тот раз встреча и закончилась. Мама вернулась в деревню, потом переехала в Воронеж, встретила своего отца, вышла замуж и продолжала учительствовать. Когда с отцом случилась эта злосчастная история, мама решила обратиться к Крупской: если она вспомнит её, то появится надежда на то, что можно чего-то добиться в Москве.

Теперь ей повезло, что у Крупской оказалась такая хорошая память. Она пригласила маму вернуться и рассказать свою историю заново и поподробнее. На этот раз Надежда Константиновна слушала внимательно, а по окончании рассказа грустно заметила:

– Вряд ли я сейчас смогу сама помочь тебе, но у меня остались кое-какие друзья, и я постараюсь через них похлопотать о твоём деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.